

²⁷ Ibidem, S. 455.

²⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 130.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 556

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 87.

³¹ Там же, с. 92.

³² Фихте И.Г. Соч. СПб., 1993. Т. 1. С. 454. Э. Бутру, известный французский философ середины XIX века, справедливо замечает по поводу фихтевского отрицания вещей в себе: «Нельзя считать простым развитием кантовской критики философию, которая предлагает полностью элиминировать вещь в себе, т.е. высшие и окончательные пределы, которыми Кант предложил ограничить человеческий разум» (предисловие к книге: *Xavier Leon. La philosophie de Fichte.* Paris, 1902. P. XV).

К.А. МИХАЙЛОВ

**Трансцендентальный идеализм Канта
и актуальные проблемы
современной философии физики**

В данной статье основные положения философии Канта рассматриваются сквозь призму современных дискуссий вокруг «антропного принципа». Устанавливается ряд существенных сходств между квантовой теорией возникновения Вселенной Дж. Уилера и кантовским пониманием природы времени, существования, объективности.

Зачастую оказывается, что научные концепции перекликаются с умозрительными теориями философов. В данной работе мы попытаемся проследить связь между современной астрофизической картиной мира (в первую очередь квантовой теорией воз-

никновения Вселенной видного ученого Дж. Уилера) и философской парадигмой кантовского трансцендентализма.

Во второй половине XX века в физике и космологии был выдвинут так называемый «антропный принцип» (АП), и его обсуждение стало весьма популярным. Этот принцип существует в нескольких вариантах, наиболее известным из которых является следующий: (*) «То, что мы ожидаем наблюдать, должно быть ограничено условиями, необходимыми для нашего присутствия как наблюдателей» (Б. Картер) [1, с. 370]. Д. Мартынов прокомментировал его так: «Наблюдения космологических параметров ... страдают от всеобъемлющей селекции – нашего собственного существования» [5, с. 61].

АП появился в современной науке, когда в результате исследований структуры Вселенной было обнаружено, что существует так называемая «тонкая подстройка» фундаментальных физических констант, т.е. что даже при небольшом изменении их численного значения Вселенная становится совершенно другой, непригодной для существования в ней человека и известных ему форм жизни. Мир удивительно настроен на человека, если не сказать, подстроен под него. «Иных миров может быть великое множество, но жизнь, подобная нашей, возможна, вероятно, лишь в таких мирах, как наш» [9, с. 177]. Следовательно, раз человек существует (это «очевидно»), то набор физических констант мира, который он наблюдает и измеряет, должен быть (или просто есть) именно таким, а не другим. С этим связано рассмотрение разного рода философских вопросов: устройство мира и его развитие, проблемы множественности возможных миров и сущности наблюдателя и предопределения (случайно ли появление разумного человека – наблюдателя; чем объяснить факт такой «подстройки?»). Почему мы наблюдаем именно такую Вселенную, именно такие ее параметры? (Ответ современной науки: потому что в другой Вселенной некому было бы задавать такой вопрос.) Почему сама Вселенная такова, какие механизмы привели к реализации такого «подстроенного под возникновение жизни» комплекса условий? Очевидно, что для современной науки эти

вопросы нетождественны. АП «сам по себе еще не объясняет, почему ... наша Вселенная устроена столь замечательным образом. Наше удивление по этому поводу вовсе не снижается за счет указания, что во Вселенной, устроенной даже чуть-чуть иначе, мы бы отсутствовали» [2, с. 113]. Существует ряд серьезных методологических и собственно философских трудностей в понимании АП современной физикой. «АП не представляет собой строгого и однозначного утверждения. Это, скорее, широкий спектр формулировок, интерпретаций, установок и позиций, вырастающих к тому же из разных контекстов» [2, с. 108]. Мы считаем, что необходим тонкий философско-методологический и логический анализ возникающих здесь вопросов. В частности, принято считать, что АП впервые был выдвинут четко и последовательно именно физикой XX века. Мы полагаем, что проблема есть и тут и хотим выяснить, как же следует все-таки формулировать АП, что скрывается за его формулировками, каково место современной науки в «антропном вопросе». В большинстве интерпретаций и трактовок АП принимаются неявные допущения: сознание – свойство высокоорганизованной материи; саму организацию наблюдателя и закономерности его познания следует понимать чисто физически; они являются чем-то производным от развития космической материи; наблюдатель и наблюдаемое (мир) генетически соизмеримы, причем мир существует во всей своей содержательности и определенности свойств и признаков независимо от воспринимающего его сознания и т.д. «Существует совокупность фундаментальных постоянных, которая привела к рождению человечества», – так формулирует АП Д. Мартынов [5, с. 64]. Такой общий для большинства современных теорий естественнонаучный аппарат анализа действительности есть, на наш взгляд, некая пресуппозиция, и она содержится во взглядах собственно физиков, а не в формулировках ими АП в духе (*). Назначение же АП как принципа – просто зафиксировать факт корреляции между особенностями наблюдателя (не уточняя, какими), делающими его таковым, и свойствами наблюдаемого им мира, отметить, что на наблюдение

вливают некоторые существенные особенности наблюдателя – констатировать «селекцию». Но в формулировке АП не должна входить интерпретация этой корреляции. Поэтому мы считаем, что именно формулировка Картера является выражением «подлинного» АП. Из нее естественнонаучная интерпретация и все ее варианты логически совсем не вытекают! А ведь с точки зрения философии реально и совершенно оправданно предположить обратную обусловленность: наблюдатель по своим априорным законам строит свою картину мира из предоставляемого чувственностью потока ощущений (кантовский вариант). «Возможны ... два случая ... предмет делает возможным представление или ... представление делает возможным предмет» (B124¹). Обращаясь к теории Канта, мы осознаем, что ответ на вопрос: «Суждение “мир таков, как он есть и как мы его видим и знаем” является следствием того, что сам по себе мир таков, или, наоборот, наше суждение “мир существует таким-то”, опирающееся на единство самосознания, есть причина того, что и сам мир тогда именно таков?» – явно нетривиален.

Наша точка зрения крайне нестандартна. Сама идея антропного принципа (*), философская по существу, само его последовательное осознание, выдвижение и обоснование принадлежат И. Канту. Таким образом, теперь мы посмотрим на проблематику, связанную с АП, на его формулировки с позиции кантовской философии и попытаемся продемонстрировать идейную близость в некоторых аргументациях современного естествознания и кантовской системы.

Согласно Канту, все наше познание начинается с опыта, но целиком из опыта не происходит; кое-что наша познавательная способность привносит от себя самой (B1), а именно – форму опыта, определенные правила связи восприятий, то

---

¹ «Критика чистого разума» цитируется в соответствии с международной системой пагинации по Юбилейному собранию сочинений в 8 томах (М., 1994). «Пролегомены ...» цитируются по тому же изданию с указанием соответствующего параграфа.

есть инвариантные характеристики объектов познания. Кант совершает свою знаменитую «коперниканскую революцию в способе познания»: «... Мы будем исходить из предположения, что предметы должны сообразоваться с нашим познанием...» (ВХVI). Фактически уже здесь, на наш взгляд, следует искать истоки АП у Канта. Мир вне человеческого познания, рассмотренный как мир вещей самих по себе, не-познаваем и трансцендентен. Объективный мир дан нам лишь через призму наших познавательных структур, априорных форм чувственности и категорий. Высший, исходный пункт во всем человеческом знании, по Канту, – трансцендентальное синтетическое единство апперцепции (тождество самосознания, сознание единства «Я»). Эту способность Кант, собственно, и называет рассудком. Рассудок постоянно, по Канту, сам себя воспроизводит посредством необходимого «синтеза многообразного в созерцаниях» (по определенным правилам синтеза). Это происходит с помощью категорий – орудий рассудка. «Категории возникают в рассудке независимо от чувственности» (В144). Категории оказываются не только понятиями, но еще и действиями по структуризации чувственных созерцаний. Категории – правила сборки из них научной картины мира, в которых имплицитно заложены все основные законы природы (сохранения (В17), постоянства субстанции, причинности и т.д.). Категории создают ее, так сказать, по своему образу и подобию, они являются своеобразным фильтром, определяющим форму природы, то, что в нашей Вселенной объекты и законы (фактически – правила необходимого синтеза представлений) именно такие, а не другие. Кант показывает, как сами категории превращаются в схемы членения мира – «основоположения чистого рассудка», а попросту – в формулировки наиболее общих законов природы. «Даже законы природы ... заставляют ... предполагать определение из оснований, значимых а priori и до всякого опыта» (В198). Рассудок создает себя самого в качестве мыслящего субъекта-наблюдателя, благодаря чему истинны а priori некоторые содержательные утверждения о мире, от самого мира (опыта), очевидно, не зависящие

(B136, B143). В этом и состоит смысл кантовских утверждений, что «форма [явлений] целиком должна ... находиться готовой в нашей душе а priori и потому может рассматриваться отдельно от всякого ощущения» (B34), что «категории суть понятия, а priori предписывающие законы явлениям, стало быть, природе как совокупности всех явлений» (B163). Теперь природа определяется рассудком в своих важнейших, конституирующих ее самое свойствах. Мы полагаем, что АП в духе (*) – философская идея «селекции наблюдаемого наблюдения» – потенциально уже заключался в тезисах Канта, что предметы должны сообразоваться с нашим их познанием (в априорных особенностях познания «кодируется» информация о предметах познания, точнее, о том, что вообще может стать его предметом), что рассудок есть подлинный законодатель природы и открываемые наукой законы природы, делающие ее именно такой, вносятся в природу рассудком (Кант отмечает здесь, что хотя «эмпирические законы, как таковые не могут происходить из чистого рассудка...однако все эмпирические законы – лишь особенные определения чистых законов рассудка, по которым и по норме которых они только и возможны» [см.: 4, с.152]), что «мы а priori познаем о вещах лишь то, что вложено в них нами самими» (BXVIII) и т.п. Последнее положение нуждается в пояснении.

Существует глубокое идейное родство АП Картера и основных выводов трансцендентальной дедукции категорий Канта. В самом деле, «то, что мы ожидаем наблюдать», – предметы опыта, взятые с точки зрения их формы (всякое созерцание, для того чтобы стать для меня объектом, должно подчиняться условию: синтетическому единству сознания (B138), которое предполагает категории, то есть параметры объектов вообще являются ограниченными этими категориями); в случае «условий, необходимых для нашего присутствия как наблюдателей», у Канта, в отличие от современной материалистической по духу науки, речь идет не об условиях или соответствующих параметрах внешнего мира (описываемых в теории самоорганизации материи), а об априорных особенно-

стях нас самих, нашего рассудка (о самих категориях, см. там же), делающих возможным наш опыт, создающих нас самих в качестве наблюдателей. Для несозерцающего человеческого рассудка мысль о «Я» (конституирование себя самого как наблюдателя, говоря современным языком) неотделима от синтеза многообразного содержания представлений, она вообще невозможна без него, значит, и без категорий, которые и осуществляют этот необходимый синтез (В136, В143). Таким образом (и это центральный пункт), эти априорные структуры, не формирующиеся под действием внешних сил (кантовские категории совершенно изолированы от чувственности), одновременно следует признать и условиями возможности самих предметов опыта! Сознать себя тождественным можно только по отношению к чему-либо, например по отношению к внешним предметам. Конструируя себя, по Канту, мы конструируем объекты. Следовательно, правила конструирования, делающие возможным наблюдателя, являются одновременно и правилами определения конститутивных свойств внешних объектов. Заложное в субъективных условиях построения объекта должно необходимо быть само по себе присуще и объекту. «Категории не выводятся из природы ... природа должна сообразоваться с категориями» [В164]. Наша Вселенная, очевидно, должна сообразоваться с нашим существованием, то есть с конструктивными особенностями нашего ее познания. «Поскольку есть человек, Вселенная именно такова», – как сказал бы Дж. Уилер [см.: 9, с. 178].

Очевидно, что мы ограничены в наблюдаемом – условиями самого наблюдения вообще. Отметим, что Кант фактически мог согласиться с (*) – к этому, в сущности, и сводится весь пафос трансцендентальной дедукции категорий. Теперь именно категории, то есть принципы трансцендентальной логики, диктуют нам онтологию (например, априорная категория единства – экстенсивность всякого созерцания). Не потому, что сами предметы всегда определены по величине, всегда обладают некоторым качеством или взаимодействуют друг с другом, мы знаем это о них в силу механизма отражения, а потому, что иных предметов

для нас а priori быть не может, потому, что мы сами для себя конструируем свои предметы познания вообще по априорным и необходимым законам. Кант онтологические понятия делает логическими. Так, величина (1-е основоположение) «не есть основное онтологическое определение ... или простое ощущение ... величина есть орудие самого мышления: чистое средство познания, посредством которого мы строим для себя “природу” как общий закономерный порядок явлений» [4, с. 160]. «Чистые априорные представления мы можем извлечь из опыта как ясные понятия только потому, что сами вложили их в опыт и лишь посредством них осуществили опыт» (B241). Еще до реального познавательного опыта мы кое-что «ожидаем», кое-что знаем о том, что в нем обнаружим. Нарушения, скажем, закона сохранения материи для нас невозможны, так как они лежат за пределами Вселенной, соответствующей нашему рассудку, они противоречат ей так же, по Канту, как и «круглые квадраты», ибо являются нарушениями априорных и неизменных логических правил ее конструирования. Не бывает в нашем познавательном опыте и беспричинных событий, ибо таковые, по основоположению о причинности, вообще не предметы *опыта*. Кант в корне пересматривает понятие онтологии: «вне нашего знания мы ведь не имеем ничего, что мы могли бы противопоставить этому знанию как соответствующее ему» (A104). У Канта сознание не потому таково, что мир таков. Оно таково а priori (в абсолютном смысле), само по себе. Для этого, по Канту, уже «нельзя указать никаких других оснований» (B145). Вспомним: мы познаем о вещах а priori лишь предварительно нами же вложенное. Наблюдатель не отражает мир, а конструирует знание о нем (то есть как бы его самого, а так и есть, если последовательно провести критическую точку зрения). «Не потому, что есть мир вещей, мы располагаем в качестве их отпечатка и отражения миром познаний и истин, а потому, что необходимо существуют известные суждения – суждения, значимость которых не зависит ни от единичного эмпирического субъекта, который их выносит, ни от особых эмпирических и временных условий, в которых они выносятся, – для нас существует поря-

док, определяемый не только как порядок впечатлений и представлений, но и как порядок предметов» [4, с. 136]. «Корреляция» и «селекция» налицо! Опыт уже есть «вид познания, требующий [участия] рассудка» (ВXVII). «Мы ничего не можем представить себе связанным в объекте, чего прежде не связали сами ... Связь ... есть акт самодеятельности субъекта» (B130). «Знание об опыте вообще и о том, что может быть познано как предмет опыта, дается нам только априорными законами» (B165). «Правила рассудка я должен предполагать в себе еще до того, как мне даны предметы» (ВXVII). Вспомним: «То, что мы ожидаем наблюдать...». Как в современной физике можно еще до реального измерения точно предсказать значения физических констант на основании одного факта существования жизни, так и у Канта заранее известно, что всякий объект опыта будет определен в отношении своей величины, причины, в отношении других предметов как соотносящийся с ними и т.д. «Разум видит только то, что сам создает по собственному плану» (ВXIII). «Дело в том, каким образом априорные условия возможности опыта суть вместе с тем источники, из которых должны быть выведены все законы природы» («Пролегомены...», §17). Рассудок с помощью категорий сам может быть творцом опыта (B127)! Что же это, как не антропный принцип?

Далее, Кант своим трансцендентализмом предвосхищает АП в его так называемой сильной форме. Здесь речь идет о выделенности нашей Вселенной в целом из множества теоретически возможных вселенных с различными исходными параметрами. Поскольку вероятность случайного возникновения именно такого (нашего) уникального, единственно возможного для разворачивания эволюции комплекса условий слишком мала, зачастую делается вывод, что «Вселенная *должна* предполагать жизнь; появление человека или, во всяком случае, возможность его появления, было запрограммировано уже в самом устройстве нашей Вселенной при ее возникновении» [2, с. 111]. «Вселенная ... должна быть такой, чтобы в ней ... допускалось существование наблюдателей» [3, с. 373]. По Канту же, если вдумчиво проанализировать основной пафос его философии, наблюдателя нельзя

отмыслить. Все идет от рассудка! Все предметы представляются действительными только относительно воспринимающего их сознания. «Мы можем и должны считать протяженные в нем (пространстве. – *К. М.*) сущности действительными ... Но само это пространство и время, а вместе с ними и все явления суть сами по себе не *вещи*, а только представления и не могут существовать вне нашей души ... предметы опыта *никогда не даны сами по себе*: они даны только в опыте и помимо него вовсе не существуют» (B520). Обратим внимание: даже чтобы представить Вселенную без наблюдателя, нужен наблюдатель – тот, кто будет это представлять. Вселенная должна предполагать (будущего) наблюдателя («не могла развиваться иначе» на языке физики), в противном случае она, строго говоря, не существует. Нет Вселенной без того, кто констатирует ее как Вселенную, нет без ее конструирования ее наблюдателем! «Следует обратить внимание на это парадоксальное, но правильное положение, что в пространстве есть только то, что в нем представляется ... само пространство есть ... представление, следовательно, то, что находится в нем, должно содержаться в представлении, и потому в пространстве есть только то, что в нем **действительно** (выделено мной. – *К. М.*) представляется. Мысль, что вещь может существовать только в представлении о ней, должна, конечно, казаться странной, но она теряет здесь свою предосудительность ввиду того, что вещи, с которыми мы имеем дело, суть не вещи в себе, а только явления, т.е. представления» (A375). Существование для Канта – это, прежде всего, категория рассудка. Ее смысл выражается в соответствующем ей «постулате эмпирического мышления»: «То, что связано с материальными условиями опыта (ощущения), *действительно*» (B266). Существование – не объективное свойство некоторых объектов внешнего мира, а свойство их отношения к нашей познавательной способности (метасвойство). Итак, сама Вселенная собирается, по Канту, как закономерная целостная система в сознании некоторого трансцендентального субъекта, ведь для Канта природа (Вселенная) есть не что иное, как предмет всего возможного **опыта**, как априори закономерная совокупность явлений (B163), т.е. Вселенная а priori соотносима

со своим наблюдателем. Природа, по Канту, должна мыслиться как система до того, как ее можно наблюдать в ее отдельных проявлениях (см. «Пролегомены ...», §36). Рассудок – источник законов природы и тем самым единства природы (оно отнюдь не в ее материальности!): «Единство Вселенной, в которой должны быть связаны все явления, есть, бесспорно, простой вывод из ... основоположения [рассудка] об общении всех одновременно существующих субстанций...» (B265).

А теперь посмотрим, что говорят современные физики. Вот ставшее уже классическим высказывание Дж. Уилера: «Не замешан ли человек в проектировании Вселенной более сильным образом, чем это думали до сих пор?» [10, с. 368]. Барроу и Типлер считают, что «существует одна возможная Вселенная, “сотворенная” с целью порождения и поддержания наблюдателей» [11, р. 21]! Так и у Канта нам доступен лишь наш мир, наша Вселенная, поэтому *существующая* Вселенная единственна. Разные гипотетические фантастические Вселенные, пишет опять-таки Уилер, «никому не нужны, ибо их некому наблюдать» [10, р. 576]. Конечно, Кант согласился бы с этим, он бы даже уточнил, что вообще нет Вселенной без ее конструирования «наблюдателем» (рассудком). Идеи Канта чрезвычайно близки так называемому «антропному принципу участия» Дж. Уилера: «Для того чтобы Вселенная возникла, необходимы наблюдатели» [11, р. 22]! А вот что пишет Кант: «... Существуют некоторые определенные законы, и притом а priori, которые впервые делают природу возможной» (B263). То есть без рассудка, или, точнее говоря, субъекта вообще, Вселенная как таковая невозможна. И в самом деле, природа в материальном значении (как совокупность явлений) возможна посредством устройства *нашей чувственности*; в формальном значении (как совокупность правил, под которыми должны находиться все явления, если мыслить их связанными в опыте), она возможна **только** посредством устройства *нашего рассудка*. Через последнее становится возможным и опыт вообще (см. «Пролегомены ...», § 36). Синтез чувственности и рассудка делает возможным единство материальной и формальной сторон Вселенной.

Для Уилера понятие «возникновение» связано «с такими понятиями, как генезис, самоорганизация, самосоотнесенность, саморефлексия (прямо как у Канта! – К.М.)» [8, с. 101]. Какие же идеи лежат в основании рассуждения Дж. Уилера? В начале своей эволюции Вселенная (или, точнее, материя) находилась в особом сверхплотном состоянии (сингулярности). В ходе многочисленных квантовых флуктуаций этого первичного вакуума-сингулярности рождаются многочисленные миры-вселенные. Большинство из них (например, не трехмерные или те, в которых иные, чем у нас, значения фундаментальных постоянных) не допускает возникновения сложных устойчивых материальных структур, т.е. являются «мертворожденными творениями природы». Они как возникали из небытия, так и уходили в небытие. «Можно сказать, что происходит вечное рождение Вселенной из флуктуаций (или, если угодно, рождение многих вселенных), вечное воспроизводство вселенной самой себя» [9, с. 172]. Таким образом, природа много раз пыталась создать вселенную, которая имела бы возможности для саморазвития. «Мы живем в “наиболее удачном”» (для нас) экземпляре этого вечного творения» [9, с. 173]. Дж. Уилер выдвигает принцип, согласно которому Вселенная не могла возникнуть до тех пор, пока случайности эволюции не создали условия для возникновения на некотором конечном промежутке времени сознания, «сообщающегося сообщества, которое придаст смысл, значение этой Вселенной с начала и до конца». Ту же мысль Уилер приводит в вопросительной форме: «Является ли Вселенная... своего рода “самовозбуждающимся контуром”? Порождая наблюдателей-участников, не приобретает ли ... Вселенная посредством их наблюдений ту осязаемость, которую мы называем реальностью?», или «Не порождают ли каким-то образом миллиарды наблюдений, как попало собранных вместе, гигантскую Вселенную со всеми ее величественными закономерностями?» [см.: 8, с. 101]. То есть отбор определенной вселенной из бесконечного множества когда-либо возникавших, заканчивается не столько в момент самого рождения «удобной» для саморазвития вселенной, сколько в момент, когда она порождает разум-

ного субъекта, который и приписывает ей это свойство «удобности», свойство вообще быть Вселенной. Сходство с идеями Канта очевидно. «Если мы до восприятия называем какое-нибудь явление действительной вещью, то это или означает, что мы в продвижении опыта должны натолкнуться на такое восприятие, или не имеет никакого смысла ... то, что находится в пространстве и времени (то есть наполняет нашу Вселенную. – К. М.) ... есть только представления, которые, если они не даны в нас (в восприятии), не встречаются нигде ... Действительные вещи прошедшего времени... суть предметы и действительны для меня в прошедшем времени, лишь поскольку я представляю себе (выделено мной. – К. М.), что регрессивный ряд возможных восприятий (руководствуясь историей или идя по следам причин и действий) ... приводит по эмпирическим законам к прошедшему временному ряду как условию настоящего времени, причем этот ряд представляется как действительный только в связи возможного опыта, а не сам по себе (выделено мной. – К. М.), так что все события, прошедшие с незапамятных времен до моего существования, означают тем не менее не что иное, как возможность продолжить цепь опыта от настоящего восприятия к условиям, определяющим это восприятие во времени» (B521-B524). То есть прошлое становится действительным, существовавшим, Вселенная «приобретает реальность», только когда это прошлое становится *чьим-то* прошлым, когда появляется наблюдатель, расставляющий события во временном порядке! Без возникновения самого времени, то есть, по Канту, представления о времени как форме восприятия действительности в некоем субъекте (вспомним, что время есть форма внутреннего чувства), нельзя вообще говорить о порядке в событиях природы (см. В37). Дж. Уилер постулирует, что вся Вселенная ввергается в реальное бытие только в момент ее наблюдения, пребывая до того лишь в виртуальном состоянии («вселенная соучастия»). Сходство идей Канта с современной квантовой физикой видно невооруженным глазом. Теперь некорректно говорить, что до появления человека Вселенная развивалась, – без человека нет самого понятия

изменения, самого понятия последовательности. В ноуменах, то есть вещах, рассматриваемых в модусе «бытия для себя», «ничего не происходит, и нет никакого изменения, которое бы требовало динамических временных определений» (B569). Поэтому до возникновения разума некорректно говорить вообще и о возникновении Вселенной, ибо это предполагало бы временную характеристику (*до* определенного момента Вселенной не было). Как Уилер полагает «бытие» Вселенной в двух модусах – «неосязаемом», до возникновения разумного сообщества, и «осязаемом», модусе реальности, который придает этой Вселенной разумные наблюдатели, – так и Кант, в принципе, мог бы различить бытие Вселенной как бытие трансцендентального объекта и ее реальное бытие как существующего объекта (см. B522). Данное рассуждение (относительно эволюции Вселенной) справедливо и относительно будущего. Из того, что мы можем посредством принципов и законов нашего (возможного) опыта проследить развитие Вселенной в направлении будущего, в том числе и до такого состояния, которое исключает существование разумного наблюдателя, еще отнюдь не следует, что сама Вселенная как таковая обладает своим собственным будущим, что она сама по себе развивается и эволюционирует и будет существовать когда-либо без нас². На самом же деле Вселенная обладает модусами будущего, истории, развития и т.п. только в сознании воспринимающего ее наблюдателя. Именно

---

² Относительно «объективно» существующей Вселенной (в современном смысле слова «объективный»), то есть существующей в себе и для себя) мы, по Канту, ничего не можем сказать, да это и не нужно. О трансцендентальном объекте (корреляте всех наших явлений как явлений) «совершенно неизвестно, имеется ли он в нас или вне нас и был бы он уничтожен вместе с чувственностью или он остался бы и после ее устранения» (B245). Поэтому вопросы о том, будет ли существовать Вселенная после гибели разумной жизни, и если да, то как, что ждет ее в будущем и т.д., в современной науке не имеют смысла. «Каковы вещи сами по себе, я не знаю и мне незачем это знать, потому что вещь никогда не может предстать мне иначе как в явлении» (B333). Подобный вопрос о «Вселенной без нас» никогда не может возникнуть в рамках научного опыта.

он делает возможным понятие о прошлом и будущем состояниях Вселенной, именно он разворачивает как «действительную» прямую мировой эволюции, именно он «придает значение Вселенной с начала и до конца». «У времени остается эмпирическая реальность как условие всякого нашего опыта ... нельзя за ним признать абсолютную реальность ... Если устранить частное условие нашей чувственности, то исчезнет также понятие времени; оно присуще не самим предметам, а только субъекту, который их созерцает» (В54). Более того, время не просто неизвестно откуда взявшаяся, не просто врожденная априорная форма восприятия. В учении о схематизме чистого рассудка Кант выдвигает тезис, что, поскольку всякое созерцание (чтобы стать объектом) необходимо подчинено категории количества (как одному из условий трансцендентального единства самосознания) и суть всегда экстенсивная величина, само время производится субъектом: «Число (как чистая схема количества. – К. М.) ... есть ... единство синтеза многообразного [содержания] однородного созерцания вообще, возникающее благодаря тому, что **я произвожу само время в схватывании созерцания** (выделено мной. – К. М.)» (В182, ср. В184). Время суть всего лишь способ познания мира человеком, способ, лежащий в основании объективации представлений, в основании самого создания того, что мы называем объективной реальностью. Вселенная сама по себе как актуальное целое, как всеобщий агрегат вещей существует вне времени. Здесь нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Она не развивается потому, что смена состояний присуща лишь вещам как явлениям. Мы видим Вселенную эволюционирующей, ибо воспринимаем все ее объекты посредством временных определений. Таким образом, мы вынуждены признать, что наблюдаем не саму Вселенную, а ее пространственно-временной срез. Человеческий рассудок вносит в природу то, что придает ей статус действительной: «Без отношения к сознанию ... явление никогда не могло бы сделаться для нас предметом познания и, следовательно, было бы для нас ничем, а так как явление само по себе не имеет объективной реальности и существует только в познании, то оно

вообще было бы ничем...» (A120). Таким образом, без саморефлектирующего сознания Вселенная суть ничто! «Наблюдатель так же необходим для сотворения Вселенной, как Вселенная для сотворения наблюдателя ... наблюдатели создают Вселенную прежде всего» (Уилер) [см.: 5, с. 61].

Заслуживает внимания и кантовское решение одной из фундаментальных проблем современного естествознания – проблемы необратимости времени. «Но как только я воспринимаю или заранее допускаю, что в этой последовательности (представлений во времени. – *К. М.*) существует отношение к предшествующему состоянию, из которого представление следует по некоторому правилу, нечто представляется мне как событие (выделено мной. – *К. М.*) ... я познаю предмет и должен поместить его во времени в каком-то определенном месте, которое после предшествующего состояния не может быть дано ему иным образом. Следовательно, если я воспринимаю, что нечто происходит, то в этом представлении прежде всего содержится то, что нечто предшествует ... Свое определенное место во времени ... оно может получить только благодаря тому, что в предшествующем состоянии предполагается нечто, за чем оно всегда следует, т.е. по некоторому правилу; отсюда вытекает, во-первых, что для меня этот ряд необратим (выделено мной. – *К. М.*) и то, что происходит, я не могу поставить впереди того, за чем оно следует ... Этим объясняется то, что среди наших представлений возникает порядок...» (B243 – 244). Необратимость времени есть следствие основоположения чистого рассудка «о временной последовательности по закону причинности» – второй аналогии опыта. И в этом смысле время необратимо по субъективным основаниям, в силу именно такого способа познания внешних явлений рассудком. Не следует забывать, что само время – всего лишь субъективная, хотя и априорная форма человеческого чувственного восприятия мира, а не нечто, объективно существующее само по себе. «Время есть лишь субъективное условие нашего (человеческого) созерцания ... и само по себе, вне субъекта, есть ничто. Тем не менее в отношении ... всех вещей, которые могут встретиться нам в опы-

те, оно необходимым образом объективно» (B51). Все явления как предметы опыта без исключения локализованы во времени. Поскольку опыт вообще невозможен без необходимого подчинения всех его предметов указанному основоположению («...Сам опыт, т.е. эмпирическое знание о явлениях, возможен только благодаря тому, что мы подчиняем последовательность явлений ... закону причинности ... сами явления как предметы опыта возможны только согласно этому закону» (B153)), он а priori таков, что все познаваемые в нем явления выстраиваются в однонаправленную «стрелу времени!» Феномен обратимого времени никогда не может стать для нас предметом опыта, это всего лишь субъективная мысль, полностью лишенная объективного содержания. Человеческому познанию свойственно упорядочивать чувственные данные таким образом, что невозможно восприятие, а следовательно, и познание причины после восприятия следствия. «Пойти назад от ... события и (схватывая) определить то, что предшествует ему, я не могу. В самом деле, ни одно явление не возвращается от последующего момента времени к предшествующему, хотя и относится к какому-то из предшествующих...» (B239). Необратимость времени в указанном смысле объективна и представляет собой закон природы: «Я должен выводить субъективную последовательность схватывания из объективной последовательности явлений...» (B238). Рассудок «переносит временной порядок на явления и их существование, приписывая каждому из них как следствию место во времени (выделено мной. – К. М.)» (B245). Объективный временной порядок явлений не зависит от субъективного произвола. «В опыте мы только в том случае приписываем объекту последовательность ... если в основе лежит правило (один из принципов единства рассудка. – К. М.), принуждающее нас наблюдать скорее такой-то, а не иной порядок восприятий (выделено мной. – К. М.) ... именно это принуждение и есть то, что впервые делает возможным представление о последовательности в объекте» (B241 – 242).

Мы видим, как актуальны идеи Канта в свете современной физики и космологии. Из идей Дж. Уилера вытекает, по А.В. Не-

стеруку, что «возникновение Вселенной следует понимать как генезис объективного содержания понятия “Вселенная” в форме коллективного человеческого сознания» [8, с. 102]. Согласно же Канту, объективное содержание (значение) знания, отнесение его к предмету создаются самим рассудком: «Единство сознания есть то, что одно лишь составляет отношение представлений к предмету, стало быть, их объективную значимость, следовательно, превращение их в знание» (В137). У Уилера речь идет о «коллективном сознании», это, в принципе, то же, если вспомнить, как трактует Кант своего «трансцендентального субъекта» – именно как общечеловеческую надъиндивидуальную, но субъектную способность мышления, идентичную для всех людей, как «сознание вообще». «Природа есть осуществленный, воплощенный трансцендентальный субъект» [1, с. 75]. По Канту, нечто приобретает статус существующего явления, только когда я обретаю знание об этом явлении, когда я познаю это нечто как объективное, как то, свойства чего инвариантны относительно субъективных особенностей познающего субъекта. И тогда и в самом деле возникновение предмета (явления) как предмета, который описывается как принадлежащий *природе*, наделение его статусом *предмета* – это генезис представления об объективности этого явления (предмета) в человеческом рассудке. «Всякое созерцание, для того чтобы стать для меня объектом, должно подчиняться этому условию (условию синтетического единства сознания, то есть объединения представлений в одном познающем рассудке. – К. М.)» (В138). Объективность, по Канту, состоит в перенесении содержания субъективного сознания за его пределы в качестве содержания всякого возможного сознания. В сущности, явления – это знания о них: они, «будучи только представлениями, вовсе не даны, если я не прихожу к знанию о них (т.е. к ним самим, так как они сами суть только эмпирические знания) ... (выделено мной. – К. М.)» (В527). Синтетическое единство, создающее предметность природы, принадлежит не индивидуальному сознанию, а трансцендентальному, так сказать, коллективному сознанию. Необходимо напомнить, что построение картины мира рассудком (и, таким образом, возникно-

вание мира как такового) является не просто возможным, но и необходимым. «Этот принцип необходимого единства апперцепции ... объясняет необходимость синтеза данного в созерцании многообразного, и без этого синтеза нельзя мыслить полное тождество самосознания (то есть без своего мира немислимым становится и сам рассудок! Мир так же необходим для рассудка, как и рассудок для мира! Вспомним также утверждение Уилера “Наблюдатель так же необходим для сотворения Вселенной...” – К. М.» (В135 – 136). Вспомним кантовское «Опровержение идеализма», где доказывается необходимость внешних предметов, то есть необходимость существования, а не только возможности объектов. Развитие этих наших идей можно проследить по другим нашим работам [6; 7].

1. Бахрадзе К.С. Проблема диалектики в философии Канта // Бахрадзе К.С. Избранные философские труды. Т. 1. Тбилиси, 1981.

2. Балашов Ю.В., Илларионов С.В. Антропный принцип: содержание и спекуляции // Глобальный эволюционизм (Философский анализ). М., 1994.

3. Картер Б. Совпадение больших чисел и антропологический принцип в космологии // Космология: теория и наблюдения. М., 1978.

4. Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. СПб., 1997.

5. Мартынов Д.Я. Антропный принцип в астрономии и его философское значение // Вселенная, астрономия, философия. М., 1988.

6. Михайлов К.А. Кантовская концепция времени и современная квантовая теория: проблема существования Вселенной // http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/michailov_kantovskaya.htm

7. Михайлов К.А. Трансцендентальный идеализм Канта и антропный принцип // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2001. №1. С. 90 – 95.

8. Нестерук А.В. Проблемы глобального эволюционизма и антропный принцип в космологии // Глобальный эволюционизм. М., 1995.

9. Новиков И.Д. Куда течет река времени? М., 1990.

10. Уилер Дж. Выступление в дискуссии // Космология: теория и наблюдения. М., 1978.

11. Barrow J.D., Tipler F.J. The antropic cosmological principle. Oxford, 1986.

12. Wheeler J.A. The universe as home for man. Diskussion. // The nature of scientific discovery. Wash., 1975.